



Влияние координационного дискурса о «стратегическом суверенитете» Евросоюза на его институциональный баланс

Т.А. Романова, С.В. Мазаник

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель статьи состоит в определении того, как обсуждение и реализация институтами Европейского союза (Европейской комиссией, Европейским парламентом и Советом Европейского союза) концепции «стратегического суверенитета» («стратегической автономии») влияет на институциональный баланс между ними. Институциональный баланс представляет собой динамичный процесс, в котором институты оспаривают полномочия друг друга. Данный процесс концептуализируется в статье в терминах дискурсивного неоинституционализма как координационный дискурс, в котором идея «стратегического суверенитета» уточняется, оспаривается и обосновывается указанными выше институтами ЕС. В качестве кейсов, которые демонстрируют изменение институционального баланса, при обсуждении и имплементации «стратегического суверенитета» были отобраны промышленная и торговая политика ЕС, а также общая политика безопасности и обороны.

Результаты исследования показывают, что главным институциональным бенефициаром «стратегического суверенитета» становится Еврокомиссия. Скорее всего, произойдёт усиление и Совета, который оставляет за собой широкие полномочия в области кризисного управления и внешней политики. Положение Европарламента неоднозначно: усиление его институционального веса возможно, но зависит и от его инициатив, и от того, насколько успешно Еврокомиссия коммуницирует новые вопросы и сферы. Таким образом, полученные выводы демонстрируют, что на фоне кризисных явлений институциональный баланс ЕС продолжит склоняться в пользу наднационального уровня регулирования.

Ключевые слова: Европейский союз, стратегический суверенитет, институциональный баланс, дискурсивный неоинституционализм, открытая стратегическая автономия

УДК: 327.7

Поступила в редакцию: 02.04.2022 г.

Принята к публикации: 24.09.2022 г.

Концепция «стратегического суверенитета» (или «стратегической автономии»), рассматривавшаяся с 1990-х гг. исключительно как цель оборонной политики ЕС, во второй половине 2010-х гг. стала всё чаще фигурировать в публичном поле и официальных документах Евросоюза и позиционироваться, по выражению главы Европейского совета Шарля Мишеля, как «цель [нашего] поколения»¹. Её артикуляция и превращение во всеобъемлющий *modus operandi* для европейской интеграции хронологически совпали с приходом к власти «геополитической» Еврокомиссии во главе с Урсолой фон дер Ляйен и риторически объяснялись тезисами о том, что ЕС находится в опасности и уязвим перед различными вызовами современности (будь то охлаждение трансатлантических связей при президенте Трампе, нарастающее противостояние КНР и США, нестабильность вдоль границ ЕС или пандемия COVID-19)². Однако в политических исследованиях суверенитет традиционно рассматривается как имманентная черта государств Нового времени, тогда как ЕС исторически позиционировал себя как поствестфальский актор, отрицающий суверенитет, баланс сил и геополитику эпохи Модерна (Wæver 1996: 121–122). В результате при объяснении этого кажущегося противоречия исследователи стали интерпретировать риторическое представление Евросоюза в качестве суверенного актора международных отношений как попытку обратиться к языку самосохранения и обосновать необходимость трансформации ЕС в «высшую упорядочивающую силу, способную поддерживать собственную идентичность и статус как политического и правового образования» (des Places 2020: 293).

Тезис о трансформации Европейского союза позволяет предположить, что движение в сторону суверенизации/автономизации вызовет изменения в институциональном балансе ЕС. С юридической точки зрения, институциональный баланс понимается как соотношение формально определённых полномочий, указанных в учредительных договорах институтов ЕС: прежде всего, Европейского парламента, Европейского совета, Совета ЕС, Европейской комиссии, Суда ЕС, Европейского Центрального банка и Счётной палаты (Chamom 2016; Dawson, De Witte 2013; Everson, Vos 2016). Однако такой подход к институциональному балансу статичен, поскольку фиксирует идеальное, должное положение дел и не позволяет прояснить институциональную динамику и изменчивость, которые могут проистекать не только из поправок в учредительные договоры, но и из непрерывного процесса политической конкуренции и

¹ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' — speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank. *European Council Speech 28 September 2020*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (accessed 13.10.2022)

² Например, Borrell J. Multilateralism and European Strategic Autonomy in a (post)-Covid world. *European External Action Service*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/multilateralism-and-european-strategic-autonomy-post-covid-world-%C2%A0_en (accessed 13.10.2022)

оспаривания институтами полномочий друг друга в тех областях, где их функции ещё не определены или определены в общем, рамочном виде (Craig 2011). Политологический анализ институционального баланса ЕС, предпринимаемый в данной статье, помимо акцента на динамичности и изменчивости, позволяет прояснить один из ключевых вопросов европейской интеграции – почему и в каких областях государства-члены готовы передать часть своего суверенитета на наднациональный уровень, и какое распределение полномочий между наднациональными, или коммунитарными (Европейская комиссия, Европейский парламент), и межправительственными (Совет Европейского союза и Европейский совет) институтами государства-члены готовы принять (Sbragia 2002).

Цель статьи заключается в определении возможных институциональных последствий разработки в Евросоюзе концепции «стратегического суверенитета». Исследуется не сама концепция, а её артикуляция в межинституциональном обсуждении, где каждый из рассматриваемых органов ЕС высказывает свою позицию относительно институциональных параметров реформ, предполагаемых концепцией, и стремится закрепить её в рамках принимаемых решений. Для достижения поставленной цели исследование опирается на дискурсивный неoinституционализм В. Шмидт (Schmidt 2016)³. Согласно этому подходу, агенты социальных структур могут посредством дискурсов артикулировать идеи, способные трансформировать социальные институты (Schmidt 2008, 2010). Агентами могут быть политические лидеры, официальные лица, общественные движения или граждане (Schmidt 2015).

В данной статье агентами выступают Европейская комиссия (ЕК), Совет Европейского союза (Совет) и Европейский парламент (ЕП). Выбор в пользу этих институтов объясняется, с одной стороны, их значимостью в законодательной процедуре ЕС и в соотношении межгосударственного и наднационального начал в европейской интеграции, а с другой — удельным весом данных институтов в артикуляции концепции «стратегический суверенитет (автономия)». Новизна исследования состоит в выявлении того, как артикуляция новых концепций (в нашем случае — стратегического суверенитета) создаёт условия для повышения удельного веса отдельных институтов ЕС в процессе принятия решений, а также для усиления наднационального уровня Евросоюза в целом.

Два методологических аспекта требуют прояснения. Во-первых, адекватность дискурс-анализа для прояснения принимаемых политических решений. Сторонники дискурс-анализа исходят из того, что дискурсы 1) порождают «реальные» последствия для социальных структур в виде политических решений, которые разрабатываются и, главное, легитимируются в дискурсах (Wodak, Meyer 2015: 16), и 2) обладают «способностью изменять поведение акторов, а

³ См. так же: (Dawson, Hanley 2019; Firch-Roy et al. 2020; Miró 2021; Warren 2020).

также природу и форму институтов, создаваемых акторами» (Kratochvil, Tichy 2013: 393). Это определяет дискурс как особую форму обсуждения, которая упреждает и обуславливает любые политические решения, в том числе затрагивающие полномочия институтов. Такой механизм функционирования дискурса позволяет использовать результаты анализа официального дискурса органов Евросоюза как базу для прогнозирования институциональных изменений в ЕС.

Во-вторых, баланс между институтами ЕС в зависимости от уровня и масштаба принимаемых решений выстраивается по-разному (Кавешников 2015: 53). Это хорошо иллюстрирует предложенная Дж. Петерсоном и Э. Бомберг схема, которая выделяет в Евросоюзе суперсистемный (исторические решения о ключевых характеристиках европейской интеграции), системный (определение законодательных рамок конкретных политических программ) и субсистемный (конкретные шаги по имплементации решений системного уровня) уровни решений (Peterson, Bomberg 1999: 4, 30). С учётом специфики обсуждения концепции «стратегический суверенитет (автономия)», в исследовании кейсов внимание сосредоточено на вероятных изменениях институционального баланса Евросоюза только на системном и в некоторой степени субсистемном уровнях (например, в вопросах выстраивания взаимодействия между институтами ЕС и бизнесом).

Логика статьи подчинена её цели. Вначале разъяснены и операционализированы основные положения дискурсивного неоинституционализма. Затем дана краткая характеристика современных особенностей институционального баланса ЕС и концепции «стратегический суверенитет (автономия)». Далее на примере трёх кейсов (промышленной и торговой политик, а также общей политики безопасности и обороны) проиллюстрированы возможные изменения институционального баланса ЕС в контексте артикуляции концепции «стратегический суверенитет (автономия)».

Дискурсивный неоинституционализм

Дискурсивный неоинституционализм как аналитический подход стал критическим ответом на неспособность трёх других видов неоинституционализма — исторического, социологического и рационального выбора — объяснить механизм институциональных изменений. По определению любой социальный институт обеспечивает стабильность взаимоотношений между индивидами путём повышения доверия и снижения транзакционных издержек (March, Olsen 1998). Следовательно, институциональные изменения означают утрату стабильности и в нормальных условиях признаются невозможными в силу зависимости от выбранного пути (*path dependency* или эффекта колеи), противоречия со сложившимися в обществе представлениями о нормальном и приемлемом либо рациональности агентов, согласно которой расходы на институциональные изменения превышают издержки от функционирования института в существую-

щем режиме (Кутырев 2012). Дискурсивный же неоинституционализм исходит из принципиальной возможности институциональных изменений на основе логики коммуникации, т. е. взаимодействия агентов — мыслящих, говорящих и деятельных субъектов — представителей политической элиты по поводу тех или иных идей в рамках координационного дискурса, а также сообщения выработанных в элитной среде идей населению и получения от него обратной связи в рамках коммуникационного дискурса. Хотя в социальных системах сосуществуют оба типа дискурсов, Европейский союз ввиду сложной управленческой структуры и отсутствия избираемого центрального правительства обладает наименее развитыми коммуникационными и наиболее развитыми координационными дискурсами (Schmidt 2008: 313). Это определяет приоритеты данного исследования в пользу изучения именно координационного дискурса, т. е. документов, создаваемых институтами ЕС и не предполагающих ответов со стороны общественности государств-членов.

Однако идеи, генерируемые, сообщаемые и оспариваемые в рамках координационных дискурсов, могут быть разными. Во-первых, это касается их масштаба. Здесь в рамках дискурсивного неоинституционализма выделяется три категории: идеи о содержании конкретных политических действий или курсов, идеи, составляющие ту или иную политическую программу, и, наконец, идеи, отражающие превалирующие в обществе ценности и принципы (общественные философии). Идеи, относящиеся к последней категории, служат основой для всех дальнейших дискурсивных построений и представляют собой наиболее косную часть дискурса, слабо подверженную изменениям. Они также выполняют ограничительную функцию и формируют «предпосылочные идеациональные способности» (*background ideational abilities*) агентов (Schmidt 2008: 306, 309, 313–314; Шмерлина 2016). Трансформация таких идей, как правило, становится заметной на большой исторической дистанции, что означает, что в рамках данного исследования, охватывающего концептуальные изменения деятельности ЕС за последние несколько лет, акцент будет сделан на содержании и последствиях артикуляции идей, составляющих политический курс по достижению стратегического суверенитета и излагающих конкретные меры, которые предстоит предпринять на этом пути. Это, в свою очередь, согласуется с тем, что изменения институционального баланса в этом исследовании анализируются преимущественно на системном и субсистемном уровнях, на которых осуществляется выработка политических программ и шагов по их имплементации соответственно.

Во-вторых, в рамках дискурсивного неоинституционализма при исследовании того, как агенты аргументируют свои идеи, проводится различие между когнитивными идеями, апеллирующими к объективной необходимости изменений и логике следования интересам (как агентов, так и широкой общественности), и нормативными идеями, опирающимися на укоренившиеся в обществе ценности и представления о нормальном. Хотя деление на когнитивные и норматив-

ные идеи условно и носит скорее аналитический характер, и те, и другие идеи артикулируются с целью легитимации предлагаемых изменений и составляют «эксплицированные дискурсивные способности» агентов (*foreground discursive abilities*) (Schmidt 2008: 314). Тем самым комбинация когнитивной и нормативной логики коммуникации (т. е. способность агентов обосновать выдвигаемые идеи при помощи отсылок к общественно разделяемым представлениям о целесообразном и нормальном) служит залогом эффективной аргументации наравне с непротиворечивостью и последовательностью предлагаемых мер.

Однако, по мнению В. Шмидт, немаловажным для успешной коммуникации становится также наличие внешнего давления, «которое формирует подходящую среду для новых идей» (Schmidt 2008: 308). Особо значимым этот факт становится в контексте данного исследования, поскольку в призывах к формированию стратегического суверенитета Евросоюза зачастую содержится указание на внешних акторов (например, КНР), которые представляют вызов стабильному развитию ЕС⁴.

Таким образом, используя дискурсивный неoinституционализм как исследовательский подход, следует, признавая значимость структуры в виде предпосылочных идеациональных способностей, обратить внимание на агентов, выдвигаемые ими идеи и встраивание последних в уже существующие когнитивные и нормативные рамки. В дальнейшем это позволит нам оценить вероятность институциональных изменений в контексте концепции «стратегического суверенитета». Однако дискурсивный институционализм было бы неправильно отождествлять с дискурс-анализом и сводить (в нашем случае) к вычленению содержания концепции «стратегического суверенитета». Напротив, основное внимание в данной работе будет уделяться не столько речевым практикам институтов ЕС и генерируемому семантическому полю, сколько действиям, которые воплощаются или должны будут воплотиться на практике как результат использования определённой логики коммуникации. Иными словами, в фокусе будут находиться не столько призывы к расширению формальных полномочий тех или иных институтов под предлогом построения стратегического суверенитета, сколько конкретные меры, которые предлагается предпринять в русле построения стратегического суверенитета Евросоюза, а также то, как эти меры могут расширить полномочия и сферу ответственности тех или иных институтов.

⁴ European Parliament resolution of 16 September 2021 on a new EU-China strategy (2021/2037(INI)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0382_EN.pdf (accessed 13.10.2022)

Институциональный баланс ЕС: современное состояние

В истории европейской интеграции многочисленные изменения постепенно усложняли её институциональную структуру. Это проявлялось в количественном увеличении органов ЕС, а также в содержании их полномочий и особенностях взаимодействия (Gozi 2001). При этом сам принцип институционального баланса, хотя и не фиксируется учредительными договорами, активно используется Судом Европейского союза. Так, Суд определяет институциональный баланс в соответствии с пунктом 2 статьи 13 Договора о Европейском союзе (ДЕС) как принцип, согласно которому «каждый институт ЕС должен действовать в пределах полномочий, возложенных на него Договорами, и в соответствии с изложенными в них процедурами, условиями и целями»⁵. В современной институциональной конфигурации ЕС на системном уровне этот принцип нашёл отражение, в частности, в обычной законодательной процедуре как основном способе принятия юридически обязательных вторичных норм. В рамках этой процедуры ЕК — единственный институт, обладающий правом законодательной инициативы, а ЕП как наднациональный орган, представляющий граждан, пользуется равными законодательными полномочиями с Советом ЕС, межправительственным органом (Fabbrini 2016).

Вместе с тем изменения в институциональном балансе ЕС, как правило, были продиктованы не заранее утверждённым планом развития европейской интеграции, а совокупностью тактических приспособлений, которых требовал процесс интеграции (Jasqué 2004). И хотя с макроисторической перспективы процесс институциональных изменений носил стохастический характер, в нём можно выделить несколько тенденций.

Лейтмотив эволюции европейской интеграции – взаимодействие межгосударственного и наднационального начал в Европейском союзе. Теории европейской интеграции предлагают разные объяснения того, за какими акторами (наднациональными институтами, в первую очередь ЕК, или национальными государствами, среди которых особое влияние приписывается Франции и Германии) закрепляется лидирующая роль в развитии ЕС. В современных теоретических дебатах особое внимание уделяется значению межгосударственных и наднациональных решений в урегулировании кризисных ситуаций как наиболее показательных моментов в развитии Евросоюза (Dinan et al. 2017; Webber 2019). Так, примером кризисного урегулирования за рамками формально определённой институциональной структуры ЕС служат принятые вне обычной за-

⁵ Judgement of the Court of the 14 April 2015, In Case C-409/13, ACTION for annulment under Article 263 TFEU, brought on 18 July 2013, par. 64. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62013CJ0409&from=FR> (accessed 13.10.2022)

конодательной процедуры межправительственные соглашения по преодолению европейского долгового кризиса 2009–2010 гг., которые, не предполагая участия ЕП, негативно сказались на положении этого органа в институциональном балансе (Fabbrini 2016; Parga 2015). Кризисный же аспект особенно примечателен для данного исследования, поскольку дискуссия о суверенитете Евросоюза, инициированная Э. Макроном в 2017 г., была изначально увязана со способностью ЕС развиваться в контексте глобальных вызовов⁶, в частности миграционного и экологического кризисов⁷. Следовательно, при изучении влияния концепции стратегического суверенитета на институциональный баланс Евросоюза можно предположить, что состояние кризиса и незащищённости, артикулируемое в официальном дискурсе ЕС, создаёт условия для нестандартных действий и, как следствие, перемен в удельном весе межправительственных и наднациональных органов.

Кроме того, значительным фактором институционального развития Евросоюза является коммунитаризация всё большего числа политик, т. е. постепенное увеличение числа вопросов, относящихся к сфере компетенций органов ЕС, причём как межправительственных (Совет), так и коммунитарных (ЕК и ЕП). Например, в 1950–1960-х гг. ЕК занималась исключительно вопросами внешней торговли, а также построения единого внутреннего рынка. Постепенно полномочия этого института стали распространяться на политику развития, экологические стандарты, пространство свободы, безопасности и правосудия, финансовые рынки и, с оговорками, на общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ). Аналогичный процесс наблюдается и в случае ЕП: обладая на первых порах исключительно консультативными функциями, он постепенно добился того, что сегодня его решения стали юридически обязательными при утверждении состава ЕК, ежегодного бюджета, многолетней финансовой перспективы, актов, принимаемых с помощью т. н. обычной законодательной процедуры (это большинство современных директив и регламентов).

Хотя коммунитаризация коснулась большого количества областей, в которых ЕК и ЕП смогли расширить свои полномочия, вопросы т. н. высокой политики, к которой относятся внешние действия, безопасность и оборона, фактически остаются прерогативой национальных государств. Любопытно, что в выпущенном в 2003 г. памфлете Ж. Деррида и Ю. Хабермаса (2003) именно эти вопросы предлагалось определить в качестве центральных точек интеграции при дальнейшем развитии Евросоюза. Однако Конституционный договор,

⁶ Discours D'emmanuel Macron Pour Une Europe Souveraine, Unie, Démocratique. 26 Septembre 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (accessed 13.10.2022)

⁷ Discours Du Président De La République, Emmanuel Macron, À La Pnyx, Athènes Le Jeudi 7 Septembre 2017. 8 Septembre 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/11/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-pnyx-athenes-le-jeudi-7-septembre-201> (accessed 13.10.2022)

предполагавший усиление интеграции в области высокой политики, потерпел неудачу на референдумах во Франции и Нидерландах в 2004 г. Более умеренный в плане институциональных реформ Лиссабонский договор инициировал создание Европейской службы внешних действий и поста Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, но сохранил межправительственный характер внешней политики ЕС: решения принимаются единогласно, а влияние ЕК, ЕП и Суда ЕС ограничено.

Представители прошлого состава коллегии ЕК под руководством Ж.-К. Юнкера⁸ и действующей, «геополитической», Еврокомиссии⁹ неоднократно высказывали озабоченность таким положением дел. Схожий интерес к коммунитаризации внешней политики ЕС проявляет и ЕП, также апеллируя к повышению эффективности внешних действий ЕС¹⁰. Но хотя в опубликованной в июне 2018 г. Мезебергской декларации Франция и Германия, чьи отношения часто рассматриваются как основа европейской интеграции (Krotz, Schild 2013), признали необходимость «изучить возможность использовать голосование [квалифицированным] большинством голосов в области общей внешней политики и политики безопасности»¹¹, текущие предпочтения государств-членов по данному вопросу не позволяют коммунитаризировать процесс принятия решений в области внешней политики и безопасности в скором времени¹².

Однако при всей ограниченности формальных полномочий в общей внешней политике и политике безопасности ЕК способна влиять на процесс принятия решений в этой сфере. Это становится возможным благодаря выстраиванию тактических коалиций с Судом ЕС (для оказания давления на государства-члены) и с государствами-членами, готовыми идти по пути интеграции дальше (Blauberger, Weiss 2013; Schmidt 2000), а также через перенаправление

⁸ President Jean-Claude Juncker's. State of the Union Address 2017. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_17_3165 (accessed 13.10.2022)

⁹ Borrell J. When member states are divided, how do we ensure Europe is able to act? *European Union External Action Service*. URL: [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/when-member-states-are-divided-how-do-we-ensure-europe-able-act-0_en (accessed 13.10.2022)

Von der Leyen U. Mission Letter. Josep Borrell. Brussels, 1 December 2019. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/sites/default/files/commissioner_mission_letters/mission-letter-josep-borrell-2019_en.pdf (accessed 13.10.2022)

¹⁰ European Parliament resolution of 25 November 2020 on the foreign policy consequences of the COVID-19 outbreak (2020/2111(INI)). *European Parliament*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0322_EN.html (accessed 13.10.2022)

European Parliament resolution of 15 January 2020 on the implementation of the common security and defense policy – annual report (2019/2135(INI)). *European Parliament*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0009_EN.html (accessed 13.10.2022)

¹¹ Meseberg Declaration. Renewing Europe's promises of security and prosperity. *French Ministry of Foreign Affairs*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/events/article/europe-franco-german-declaration-19-06-18> (accessed 13.10.2022)

¹² Koenig N. 2020. Qualified majority voting in EU foreign policy: mapping preferences. *Jacques Delors Centre. Policy Brief*. [Электронный ресурс]. URL: https://hertieschool-f4e6.kxcdn.com/fileadmin/user_upload/20200210_Policy_Brief_QMV_Koenig.pdf (accessed 13.10.2022)

См. также: (Pomorska, Wessel 2021).

внешнеполитических дискуссий между государствами-членами в те области, где предоставляемая ЕК экспертиза считается авторитетной (Chou, Riddervold 2015; Riddervold 2016). Такое положение дел, в свою очередь, указывает на возможность для ЕК в рамках концепции «стратегического суверенитета» выступить в качестве поставщика экспертного знания и тем самым оказать влияние на внешнеполитические шаги, одновременно усиливая свой удельный вес в институциональном балансе ЕС.

Таким образом, несмотря на наличие у ЕК определённых каналов воздействия на принятие внешнеполитических решений, существует зависимость внешних действий ЕС от государств-членов. Однако если внимательнее изучить институциональную структуру ЕС после Лиссабонского договора, то станет очевидно, что такая зависимость присутствует и в других сферах. Связано это с формальным включением Европейского совета в систему институтов ЕС и с особенностями распределения полномочий между этим органом и ЕК. Если Европейский совет «определяет общие политические направления и приоритеты»¹³, то ЕК как единственный институт, обладающий правом законодательной инициативы, разрабатывает конкретные меры по достижению поставленных приоритетов и занимается мониторингом их реализации¹⁴. И в этом отношении, экстраполируя систему разделения властей в национальном государстве на Евросоюз, можно говорить о том, что в ЕС после вступления в силу Лиссабонского договора сформировалась двухпалатная система законодательной власти (в составе ЕП и Совета) и двойная система исполнительной власти, состоящая из ЕК и Европейского совета / Совета ЕС, причём именно за Европейским советом как межправительственным органом закрепляется стратегическое планирование и определение курса развития европейской интеграции (Fabbrini 2015: 38–39).

Стратегический суверенитет: становление концепции

Дискуссию о стратегическом суверенитете (автономии) Евросоюза инициировал Э. Макрон в 2017 г. в двух своих выступлениях в Афинах и Париже. Суверенитет, определённый как способность принимать самостоятельные решения, задавать стандарты, а не пассивно следовать правилам, устанавливаемым сверхдержавами (в частности, США и Китаем), должен, по замыслу французского президента, обеспечить превращение Евросоюза в цифрового лидера и экономическую силу в меняющемся мире. Одновременно Макрон предложил меры по внутреннему сплочению (сближение национальных моделей социального обеспечения и налогообложения) и демократизации (широкая дискуссия

¹³ Article 15.1 of the Treaty on the European Union. *Official Journal of the European Communities*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 13.10.2022)

¹⁴ Article 17.1 of the Treaty on the European Union. Op. cit.

о реформе ЕС и введение транснациональных списков кандидатов на выборах в ЕП) Евросоюза, а сам суверенитет, по задумке Макрона, будет проявляться в усовершенствовании системы безопасности, борьбе с миграционным вызовом, усилении ЕС как экономической и финансовой силы, развитии цифровых стандартов и регулирования, обеспечении устойчивого развития в промышленности, энергетике и сельском хозяйстве, а также в упрочнении связей со странами Средиземноморья и Африки¹⁵. Очерченные Э. Макроном направления разработки европейского суверенитета задали контуры дальнейшей дискуссии о поддержании концепции стратегического суверенитета (Романова 2021). Однако дебаты о стратегической автономии в официальном дискурсе ЕС имеют более давние истоки (Mauro 2021)¹⁶.

В первую очередь она связана с упрочением независимости ЕС в военных вопросах от НАТО. Уже в преамбуле принятого в 1992 г. Маастрихтского договора (этот фрагмент сохранён и в действующей редакции ДЕС), в части, посвящённой Общей внешней политике и политике безопасности, идёт речь о развитии общей политики обороны, которая должна «усилить европейскую идентичность и независимость»¹⁷. Более явственно эта идея стала проявляться после вступления в силу Лиссабонского договора в рамках как межгосударственных (Договор об обороне между Францией и Великобританией 2010 г.), так и общесоюзных (Гентская инициатива 2010 г.) решений (Арбатова и др. 2020: 160–161). В Сообщении ЕК 2013 г. стратегическая автономия — способность Евросоюза «принимать решения и действовать [в военной сфере] вне зависимости от материально-технической базы третьих сторон» — позиционировалась в качестве условия «собственной безопасности, международного мира и стабильности в целом» и предполагала принятие стратегии оборонной промышленности ЕС¹⁸. Такая же «промышленная» логика была воспроизведена в Глобальной стратегии ЕС (ГЕСЕ) 2016 г., где её дополнил тезис о необходимости стратегической автономии для продвижения интересов граждан, ценностей и принципов ЕС в сфере обороны, кибербезопасности, противодействия терроризму, энергетики и стратегических коммуникаций¹⁹. В развитие этой идеи во второй

¹⁵ Discours D'emmanuel Macron Pour Une Europe Souveraine, Unie, Démocratique. 26 Septembre 2017. Op. cit. Discours Du Président De La République, Emmanuel Macron, À La Pnyx, Athènes Le Jeudi 7 Septembre 2017. 8 Septembre 2017. Op. cit.

¹⁶ Более давние истоки имеет и традиция использовать данную концепцию в стратегических дебатах во Франции. Подробнее: (Brustlein 2018).

¹⁷ Preamble of the Treaty on the European Union. Op. cit.

¹⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Towards a more competitive and efficient defense and security sector. EUR-Lex. Brussels, 24.7.2013. COM (2013). 542 final. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013DC0542&from=EN> (accessed 13.10.2022)

¹⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European External Action Service. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 13.10.2022)

половине 2010-х гг. были запущены механизмы Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) и Ежегодного скоординированного обзора по обороне (CARD), а также учреждён Европейский оборонный фонд (ЕОФ), призванный «способствовать свободе действия Союза и его автономии, в частности в технологиях и промышленности»²⁰. Таким образом, участники дискуссии о развитии стратегической автономии ЕС апеллировали как к объективной необходимости создания общесоюзной оборонной промышленности, так и к нормативным соображениям о защите ценностей ЕС.

Кроме того, в контексте стратегической автономии речь шла о способности ЕС самостоятельно заниматься урегулированием международных кризисов в соседних с Евросоюзом регионах, если США/НАТО не проявляли намерения участвовать в управлении соответствующими конфликтами (Mauro 2021). Данный нарратив сводился не к созданию индустриальной базы для обеспечения независимых действий ЕС в сфере обороны и безопасности, а к учреждению боевых групп, способных автономно осуществлять поставленные перед ними задачи военного плана. Хотя концепция боевых групп была утверждена в 2004 г. по итогам успешного проведения Евросоюзом миротворческой операции «Артемиды» в Демократической Республике Конго, использование боевых групп в иных кризисах (например, в Чаде в 2007 г., Ливии в 2011 г., Мали в 2013 г.) оказалось невозможным в силу особенностей институциональной структуры ЕС (сложность достижения единогласия при принятии решений в сфере общей политики безопасности и обороны) (Reykers 2017). Тем не менее на фоне многочисленных вызовов и угроз, изложенных в ГСЕС, Евросоюз не отказался от концепции боевой группы и, напротив, утвердил для себя задачу «реагировать быстро, ответственно и решительно на кризисы»²¹.

Итак, в значительной степени предложения Макрона о стратегическом суверенитете ЕС являются логическим продолжением предшествовавшей дискуссии о стратегической автономии. В них также прослеживается «военная» и индустриальная составляющая, связь с ценностями либеральной демократии, однако собственно военная проблематика не занимает центрального положения. Достичь европейского суверенитета предполагается, прежде всего, через реализацию ряда (в т.ч. ранее запланированных) мер в рамках различных политик (промышленность, торговля, цифровизация, финансы, сельское хозяйство). Идеи французского президента были затронуты тогдашним председателем ЕК Ж.-К. Юнкером, который заявил о необходимости для ЕС «стать более суверенным актором в международных отношениях... усиливая экономический и

²⁰ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the European Defence Fund. *EUR-Lex*. Brussels, 13.6.2018. COM(2018). 476 final. 2018/0254(COD). [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018PC0476> (accessed 13.10.2022)

²¹ A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Op. cit.

валютный союз»²², а также действующим председателем У. фон дер Ляйен, подчеркнувшей важность цифрового и технологического суверенитета ЕС²³. Наконец, тезисы о стратегическом суверенитете были включены в Стратегическую повестку Европейского совета на 2019–2024 гг., где излагаются среднесрочные цели интеграции. Так, в этом программном документе содержится призыв разработать промышленную политику, которая позволит Евросоюзу стать «суверенным в цифровом отношении», повысить способность ЕС действовать автономно «при защите своих интересов... ценностей и образа жизни» и «при сотрудничестве с НАТО»²⁴. Но, помимо этого, Стратегическая повестка примечательна тем, что в ней понятия «суверенитет» и «автономия» становятся синонимичными и взаимозаменяемыми, что в дальнейшем будет характерно для всей дискуссии о концепции стратегического суверенитета ЕС (Fiott 2021: 16).

Однако триггером для включения данной концепции в широкий спектр документов Евросоюза послужила пандемия коронавируса в начале 2020 г., которая вызвала перебои с поставками медицинских и иных стратегически важных материалов в ЕС. По словам Верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности Ж. Борреля, «важно расширить дискуссию о стратегической автономии за пределы вопросов безопасности и обороны... поскольку кризис, вызванный COVID-19, продемонстрировал... что наука, технологии, торговля, данные, инвестиции становятся источниками и инструментами силы в международной политике»²⁵. По этой причине в опубликованном в марте 2020 г. Сообщении ЕК о новой индустриальной политике ЕС утверждался подход, согласно которому стратегическая автономия состоит «в уменьшении зависимости от остальных в том, что Европе больше всего нужно: критически важные материалы и технологии, продовольствие, инфраструктура, безопасность и другие стратегические аспекты», а также в «возможности развить собственные рынки, товары и услуги, которые благоприятствуют конкурентоспособности»²⁶. Такой подход первоначально вызвал определённые опасения у ряда

²² President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (accessed 13.10.2022)

²³ 2020 State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (accessed 13.10.2022)

2021 State of the Union Address by President von der Leyen. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_21_4701 (accessed 13.10.2022)

²⁴ A new strategic agenda 2019–2024. *European Council*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39914/a-new-strategic-agenda-2019-2024.pdf> (accessed 13.10.2022)

²⁵ J. Borrell. European Strategic Complacency Is Not an Option. 16.11.2020. *European External Action Service*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-strategic-complacency-not-option_en (accessed 13.10.2022)

²⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Brussels, 5.5.2021 COM (2021) 350 final. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-industrial-strategy-update-2020_en.pdf (accessed 13.10.2022)

государств-членов, поскольку он, как представлялось, мог привести к протекционистским мерам и ограничению свободной торговли (Van den Abeele et al. 2021). В конечном счёте в опубликованных в октябре 2020 г. заключениях Европейского совета было установлено, что «достижение стратегической автономии при сохранении открытой экономики является ключевой целью Союза»²⁷. Тем самым с приходом пандемии и по итогам внутреннего обсуждения суверенитет ЕС, сочетая в себе элементы автономности и открытости миру, стал осмысляться через категорию открытой стратегической автономии.

Однако дискуссия о суверенитете ЕС и открытой стратегической автономии остаётся неоднородной с точки зрения того, на что направлены меры по достижению суверенитета и каким образом сочетаются его внешнее и внутреннее измерения. На основе классификации суверенитета С. Краснера в настоящее время в риторике ЕС можно выделить три типа суверенитета (Krasner 1999). Вестфальский суверенитет предполагает сопротивление внешнему влиянию при помощи способности к регулированию внутри ЕС, развитию собственного производства и продолжению участия в процессах глобализации. Суверенитет взаимозависимости проявляется в продвижении норм и стандартов вовне и контроле транснациональных потоков. Наконец, внутренний суверенитет концентрируется на вопросах обороны и безопасности и улучшения сотрудничества государств-членов и наднациональных органов по этим вопросам (Романова 2021). С учётом данной трёхчленной структуры далее анализируются институциональные последствия мер, разрабатываемых в логике каждого из трёх типов суверенитета.

Институциональные последствия артикуляции концепции «стратегического суверенитета»

Вестфальский суверенитет: промышленная политика

Хотя активизация риторики ЕС о необходимости укрепления стратегического суверенитета совпала с наступлением пандемии, основные приоритеты промышленной политики Союза были заложены в 2017–2019 гг. в ходе подготовки профильной стратегии²⁸. Кризис, вызванный пандемией, вскрыл ранее не учтённые проблемы европейской промышленности и потребовал уточнения реформ²⁹, однако идея о двойном — зелёном и цифровом — переходе сохрани-

²⁷ Special meeting of the European Council. Conclusions. Brussels, 2 October 2020. EUCO 13/20. *Consilium*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45910/021020-euco-final-conclusions.pdf> (accessed 13.10.2022)

²⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. A New Industrial Strategy for Europe. *EUR-Lex*. COM/2020/102 final. Brussels, 10.3.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (accessed 13.10.2022)

²⁹ Updating the 2020 New Industrial Strategy. Op. cit.

лась и стала основой мер, направленных на сохранение ценностей ЕС и конкурентоспособности его предприятий.

В рамках изначальной и уточнённой промышленных стратегий был предложен ряд шагов, сулящих серьёзные институциональные последствия. Первый пример — формы поддержки европейского бизнеса, призванные уменьшить стратегическую зависимость ЕС. В соответствии с подготовленным ЕК в 2021 г. Ежегодным отчётом о едином рынке, было выделено 14 областей, где на основе экосистемного подхода предполагается выстраивать сотрудничество образовательных, научных организаций и компаний, а также предприятий гражданской, военной и космической промышленности³⁰. Регулярный анализ позволит ЕК выявлять проблемы каждой экосистемы и решать их при помощи «нормативно-правового регулирования, предоставления финансирования или максимально эффективного использования инструментов по защите торговли»³¹. В дальнейшем тезис о построении более циркулярной и автономной экономики ЕС, менее зависимой от третьих сторон в критических отраслях (в частности, в сельском хозяйстве, полупроводниках, медицинских товарах, инновационных цифровых и экологических технологиях, а также энергетике), был закреплён и в Сообщении³² ЕК по итогам проведения Конференции о будущем Европы, чьи решения могут лечь в основу изменения учредительных договоров и, следовательно, институциональной архитектуры ЕС³³.

В выделенных экосистемах планируется чаще использовать важные проекты общеевропейского интереса (IPCEI) — инструмент, предусмотренный частью 3b статьи 107 Договора о функционировании ЕС и позволяющий предоставлять государственную финансовую поддержку компаниям в обход общих правил регулирования конкуренции, запрещающих государственную помощь на внутреннем рынке ЕС. И хотя ЕК продвигала этот инструмент и ранее, постепенно расширяя границы его применения³⁴, проекты IPCEI были немногочисленными.

³⁰ Commission Staff Working Document. Annual Single Market Report 2021. Brussels, 5.5.2021, SWD (2021). 351 final. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/swd-annual-single-market-report-2021_en.pdf (accessed: 13.10.2022)

³¹ A New Industrial Strategy for Europe. Op. cit.

³² Annex to the Communication from The Commission To The European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions Conference On The Future Of Europe. Putting Vision into Concrete Action. Brussels, 17.6.2022 COM (2022) 404 final. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/annex_0.pdf (accessed 13.10.2022)

³³ European Parliament resolution of 4 May 2022 on the follow-up to the conclusions of the Conference on the Future of Europe (2022/2648(RSP)). *European Parliament*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0141_EN.html (accessed 13.10.2022)

³⁴ Communication from the Commission Criteria for the analysis of the compatibility with the internal market of State aid to promote the execution of important projects of common European interest. (2014/C 188/02). 20.6.2014. *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.2014.188.01.0004.01.ENG&toc=OJ:C:2014:188:TOC (accessed: 13.10.2022)

численны³⁵. С 2022 же года, согласно новым критериям³⁶, важные проекты общеевропейского интереса становятся инструментом помощи компаниям из отраслей, пострадавших от экономического кризиса. Разумеется, создание новой нормативно-правовой базы для таких проектов можно интерпретировать как своеобразную уступку государствам-членам, в первую очередь Германии и Франции, со стороны ЕК в конкурентном праве (Белов 2020: 7). Однако помощь, предоставляемая заинтересованными государствами-членами находящимся на их территории предприятиям, может быть санкционирована только ЕК, что позволяет именно последней при построении стратегического суверенитета задавать приоритеты промышленного развития для государств-членов.

Другой пример — создание промышленных альянсов в тех областях, где зависимость Союза от внешних поставщиков ресурсов и технологий считается наиболее выраженной³⁷. Начиная с 2017 г., были созданы альянсы в сфере производства аккумуляторов, искусственных материалов, микроэлектроники и водорода. В отличие от IPCEI промышленные альянсы, будучи площадками для артикуляции интересов участников и стратегии развития той или иной индустрии, не нацелены на получение какого-либо финансирования. Однако деятельность Европейского батарейного альянса, признаваемая на уровне институтов и должностных лиц ЕС успешной (Белов 2019), показывает, что такая форма организации участников промышленной отрасли позволяет, с одной стороны, создать площадку для обмена решениями в области НИОКР (снижая издержки отдельно взятой компании при разработке продукта), а с другой — подтолкнуть ЕК к созданию полноценного IPCEI³⁸ и к планированию финансовой поддержки конкретной отрасли (Archibugi, Mariella 2021). Инструмент промышленных альянсов, не обладая едиными критериями и нормативно-правовой базой, позволяет ЕК в каждом конкретном случае определять цели и круг участников конкретного альянса, а также критерии оценивания предлагаемых альянсом магистральных проектов³⁹ и тем самым влиять на реализуемые инициативы.

³⁵ Important projects of common European interest. *European Parliament Briefing*. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659341/EPRS_BRI\(2020\)659341_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/659341/EPRS_BRI(2020)659341_EN.pdf) (accessed 13.10.2022)

³⁶ Communication From The Commission. Criteria for the analysis of the compatibility with the internal market of State aid to promote the execution of important projects of common European interest. (2021/C 528/02). 30.12.2021. *EUR-lex*. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2021.528.01.0010.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2021%3A528%3ATOC (accessed 13.10.2022)

³⁷ Commission Staff Working Document Strategic dependencies and capacities. Accompanying the Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Brussels, 5.5.2021. SWD (2021) 352 final. *EUR-lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=SWD:2021:352:FIN> (accessed 13.10.2022)

³⁸ Updating the 2020 New Industrial Strategy. Op. cit. P. 14.

³⁹ См., например: Criteria for Membership in the European Clean Hydrogen Alliance. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/45564/attachments/1/translations/en/renditions/native> (accessed 13.10.2022)

Наконец, стоит упомянуть и о попытке создать инструмент управления внутренним рынком ЕС в условиях чрезвычайной ситуации (SMEI). Хотя цель инструмента состоит в обеспечении четырёх свобод на внутреннем рынке ЕС и скоординированных действий институтов и государств-членов в кризисных ситуациях⁴⁰, сущностные характеристики этого механизма пока не ясны. Однако работа частного механизма реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения (HERA) позволяет предположить, что активировать SMEI будет Совет по предложению ЕК, а сам SMEI будет включать послабления в области госзакупок и финансирование компаний, затронутых кризисом⁴¹. Таким образом, и в случае SMEI кризисное управление будет находиться в руках ЕК, чьи решения будет санкционировать Совет, а участие ЕП будет ограничено функцией наблюдателя⁴².

Исключённость из HERA не устраивает ЕП⁴³. Стремление ЕП к равноправному участию в процессах принятия решений и к повышению подотчётности ЕК характерно и для дискуссии о промышленной политике ЕС в целом. Так, поддерживая создание промышленных альянсов, внедрение экосистемного подхода и развитие IPCEI⁴⁴, ЕП настаивает на демократизации и открытости процессов принятия управленческих решений⁴⁵. ЕП также требует своего участия, например, в решениях в рамках финансового плана по восстановлению промышленности «Следующее поколение ЕС», апеллируя, как и при обсуждении экосистем и IPCEI, к необходимости «демократической отчётности и максимизации прозрачности»⁴⁶ принимаемых мер. В ряде случаев, как, например, при обсуждении модальностей совместных предприятий в рамках научно-исследовательской программы ЕС «Горизонт Европа», ЕП, не претендуя на непосредственное участие в принятии решений, стремится закрепить за собой право получать от ЕК и Совета своевременную информацию обо всех изменениях

⁴⁰ Updating the 2020 New Industrial Strategy. Op. cit.

⁴¹ Communication From the Commission To The European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions Introducing HERA, The European Health Emergency Preparedness And Response Authority, the next step towards completing the European Health Union. *European Commission*. Brussels, 16.9.2021. COM (2021) 576 final. P. 9. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/health/system/files/2021-09/hera_2021_comm_en_0.pdf (accessed 13.10.2022)

⁴² Ibid. P. 12.

⁴³ Amendments adopted by the European Parliament on 14 September and 11 November 2021 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on serious cross-border threats to health repealing Decision No 1082/2013/EU (COM (2020)0727 — C9-0367/2020 — 2020/0322(COD)). *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021AP0449> (accessed 13.10.2022)

⁴⁴ European Parliament resolution of 19 May 2021 on a European Strategy for Hydrogen (2020/2242(INI)). *European Parliament*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0241_EN.pdf (accessed 13.10.2022)

⁴⁵ European Parliament resolution of 25 November 2020 on a New Industrial Strategy for Europe (2020/2076(INI)). [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020IP0321> (accessed 13.10.2022)

⁴⁶ Ibid.

объёмов союзного финансирования⁴⁷. То, что ЕП в рамках координационного дискурса (т. е. обсуждения предлагаемых инициатив между институтами ЕС) пытается изменить институциональный баланс в свою пользу, контрастирует с тактикой Совета.

Реформа промышленной политики предполагает не только институциональные формы поддержки европейского бизнеса, но и шаги по дальнейшей унификации стандартов в ЕС. Традиционно в научной литературе о Евросоюзе выделяется два способа интеграции: негативный (взаимное признание существующих в государствах-членах стандартов) и позитивный (выработка на наднациональном уровне единых и универсальных стандартов, которые государства-члены должны будут признать, инкорпорируя в собственное национальное законодательство) (Scharpf 1998). И если ранее (в особенности, в период «Евросклероза») преобладала негативная интеграция, позволявшая в контексте замедления интеграционных темпов достигать хоть какого-то прогресса, то в дальнейшем ЕК стремилась к гармонизации, заменяя разрозненные национальные положения едиными европейскими нормами.

Эта тенденция прослеживается и в связи с дискуссией о стратегическом суверенитете Евросоюза. Так, ЕК проявляет интерес к созданию высокотехнологичных стандартов, связанных с производственной эффективностью, экологичностью и здравоохранением⁴⁸. По этой причине в рамках т. н. Цифрового компаса ЕК обязуется создать общую нормативную базу в области обучения населения цифровым стандартам, подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере информационных технологий, устойчивой цифровой инфраструктуры и цифровизации государственных услуг, что в дальнейшем позволит заниматься продвижением этих стандартов вовне⁴⁹. Кроме того, в рамках завершения построения экономического и валютного союза предлагается установить общий налог на финансовые транзакции в ЕС, что увеличит т. н. собственные бюджетные ресурсы ЕС⁵⁰. Здесь, как и в прошлом примере, налицо стремление ЕК создать нормы и контролировать их исполнение в ещё недостаточно регламентированной сфере, которая пока находится в компетенции государств-членов.

⁴⁷ European Parliament legislative resolution of 21 October 2021 on the proposal for a Council regulation establishing the Joint Undertakings under Horizon Europe (COM(2021)0087 — C9-0166/2021 — 2021/0048(NLE)). *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021AP0434> (accessed 13.10.2022)

⁴⁸ Updating the 2020 New Industrial Strategy. Op. cit. P. 8.

⁴⁹ Communication From the Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee And The Committee Of The Regions. 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade. *EUR-Lex*. Brussels, 9.3.2021. COM (2021) 118 final. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118> (accessed 13.10.2022)

⁵⁰ Communication From The Commission To The European Parliament And The Council Business Taxation for the 21st Century. *European Commission*. Brussels, 18.5.2021. COM (2021) 251 final. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/system/files/2021-05/communication_on_business_taxation_for_the_21st_century.pdf (accessed 13.10.2022)

В вопросах стандартизации, однако, также очевидна тенденция к исключению ЕП из новых схем принятия решений. Например, учреждённая в 2020 г. Целевая группа по проблемам осуществления норм единого рынка (SMET), которая, занимаясь выявлением и оценкой препятствий для реализации норм и стандартов на едином рынке ЕС⁵¹, состоит только из представителей ЕК и государств-членов. При этом ЕП в рамках межинституциональной дискуссии, соглашаясь с общим курсом реформ, призывает ЕК разработать или пересмотреть стандарты в ряде сфер промышленной политики, что позволит ЕП как законодательному органу непосредственно влиять на процесс принятия решений в данных сферах⁵².

Таким образом, меры, артикулируемые в контексте дискуссии о стратегическом суверенитете в промышленной политике, способствуют расширению полномочий ЕК. Причём это справедливо как для сферы стандартизации, где ЕК традиционно имеет широкую свободу действий, так и для форм поддержки европейского бизнеса, реализация которых началась относительно недавно. И хотя рассмотренные выше шаги не предполагают увеличение значимости ЕП, этот институт, выступая в рамках координационного дискурса с поправками к предлагаемым инициативам, стремится увеличить свой институциональный вес путём расширения тематики регламентов и директив, принимаемых в рамках обычной законодательной процедуры, либо путём выдвижения требований об отчётности ЕК перед ЕП, повышения прозрачности и демократичности принимаемых решений и участия своих представителей в новых форматах поддержки европейского бизнеса. В отличие от ЕП Совет практически не вносит поправки в институциональные параметры реформ, ограничиваясь призывами к подотчётности ЕК по реализации выдвигаемых инициатив.

Суверенитет взаимозависимости: торговая политика

Торговая политика в контексте стратегического суверенитета была переосмыслена в 2021 г. с принятием новой стратегии. В связи со спецификой данной политики концепция стратегической автономии была уточнена: был добавлен эпитет «открытая», а основной акцент был сделан на «способность[и] ЕС делать собственный выбор и формировать мир вокруг себя при помощи лидерства и вовлечённости с опорой на свои стратегические интересы и ценности»⁵³. Фор-

⁵¹ Updating the 2020 New Industrial Strategy. Op. cit. P. 7–8.

2020 Single Market Enforcement Taskforce Report. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/47154> (accessed 13.10.2022)

⁵² European Parliament resolution of 25 November 2020 on a New Industrial Strategy for Europe. Op. cit.

⁵³ Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions. Trade Policy Review - An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. *European Commission*. Brussels, 18.2.2021. COM (2021) 66 final. P. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2021/february/tradoc_159438.pdf (accessed 13.10.2022).

мирование мира вокруг себя означает расширение собственного нормативного влияния с тем, чтобы поддержать «международное сотрудничество, многосторонний подход (multilateralism) и порядок, основанный на правилах»⁵⁴, т. е. все те характеристики системы международной торговли, бенефициаром которой выступает ЕС, его предприятия и граждане.

Особенности развития ЕС на современном этапе задают направления и для его нормативного влияния. Так, среди приоритетов торговой политики фигурирует продвижение зелёной повестки путём её операционализации как условия предоставления торговых преференций развивающимся странам и включения Конвенции о биологическом разнообразии в торговые и инвестиционные соглашения⁵⁵. Этот подход был поддержан ЕП и Советом и лёг в основу учреждённого в 2021 г. инструмента политики соседства, развития и международного сотрудничества «Глобальная Европа»⁵⁶. При этом речь идёт не просто о формальном включении зелёных положений в главы о торговле и устойчивом развитии, но и о механизме контроля со стороны ЕС за соблюдением третьими странами как собственно торговых обязательств (в том числе ликвидации торговых барьеров), так и обязательств, касающихся устойчивого развития. С этой целью в 2020 г. был создан пост главного сотрудника по вопросам торгового контроля⁵⁷, работающего в качестве заместителя европейского комиссара по торговле. Более жёсткий контроль за соблюдением торговых и неторговых обязательств партнёрами ЕС был поддержан ЕП, который, впрочем, ссылаясь на закреплённое за ним право ратифицировать торговые соглашения, регулярно призывает главного сотрудника по вопросам торгового контроля сотрудничать с ЕП, чтобы обеспечить соблюдение торговыми партнёрами обязательств, предшествующих ратификации торгового соглашения⁵⁸, а также с парламентским комитетом по международной торговле, чтобы контролировать исполнение глав о торговле и устойчивом развитии⁵⁹. Частным примером предварительного контроля служит инвестиционное соглашение ЕС с КНР, которое ЕП обязуется ратифицировать, только если его удовлетворит ситуация с правами человека в этой стране⁶⁰.

⁵⁴ Ibid. P. 6.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Regulation (EU) 2021/947 of the European Parliament and of the Council of 9 June 2021 establishing the Neighborhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe. *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R0947> (accessed 13.10.2022)

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ European Parliament resolution of 26 November 2020 on the EU Trade Policy Review (2020/2761(RSP)). *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020IP033> (accessed 13.10.2022)

⁵⁹ European Parliament resolution of 7 July 2021 on the trade-related aspects and implications of COVID-19 (2020/2117(INI)). *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0328> (accessed 13.10.2022)

⁶⁰ Ibid.

В то же время ЕС не располагает механизмом введения санкций за несоблюдение положений из глав о торговле и устойчивом развитии и может только начать экспертные разбирательства с целью получить рекомендации к действию (впервые ЕК воспользовалась этим правом в 2019 г. в отношении Республики Корея) (García 2022). В этой связи ЕК намерена пересмотреть план действий по реализации глав о торговле и устойчивом развитии и разработать возможность введения санкций за несоблюдение соответствующих положений. Эти меры дополнят поправки в регламент о реализации международных правил торговли от 2021 г., согласно которым ЕК может вводить ответные меры против третьих стран, если они блокируют процесс разрешения торговых споров в ВТО⁶¹.

Вообще зелёной повестке отводится ключевое значение в трансформации торговой политики ЕС. Это в особенности справедливо для торговли энергоресурсами в 2022 г., когда резко возросшие цены на нефть и в особенности на природный газ, а также геополитические соображения подтолкнули ЕС ускорить реализацию Зелёной сделки и разработать план по диверсификации источников энергии (за счёт снижения зависимости от России в углеводородах в пользу источников энергии, признаваемые в ЕС экологичными) и уменьшению потребления энергии в странах-членах⁶². Однако расходы на зелёный переход весьма значительны (ранее озвученные ЕК оценки в 1 трлн евро до 2030 г. признаются недостаточными⁶³), в том числе и со стороны компаний ЕС, в связи с чем предлагается убедить партнёров, что Зелёный курс — не только необходимость в среднесрочной перспективе, но и разумная экономическая политика уже сегодня⁶⁴. Это позволит разделить с торговыми партнёрами издержки зелёного перехода. На это, в частности, нацелен широко обсуждаемый механизм пограничного регулирования углерода (СВАМ), согласно которому импортируемые в ЕС товары, чьё производство предполагает значительные выбросы углерода, будут облагаться дополнительными сборами⁶⁵, аналогичными тем, с которыми стал-

⁶¹ Regulation (EU) 2021/167 Of the European Parliament And Of The Council of 10 February 2021 amending Regulation (EU) No 654/2014 concerning the exercise of the Union's rights for the application and enforcement of international trade rules. *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R0167> (accessed 13.10.2022)

⁶² Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions REPowerEU Plan. COM/2022/230 final. *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A230%3AFIN&qid=1653033742483#footnote6> (accessed 13.10.2022);

2022 State of the Union Address by President von der Leyen. 14 September 2022. *European Commission*. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5493 (accessed 13.10.2022).

⁶³ Claeyes G., Tagliapietra S. 2020. A trillion reasons to scrutinise the Green Deal Investment Plan. *Bruegel Blog*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bruegel.org/2020/01/a-trillion-reasons-to-scrutinise-the-green-deal-investment-plan/> (accessed 13.10.2022)

⁶⁴ Trade Policy Review. Op. cit. P. 6.

⁶⁵ Draft regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism. Brussels, 15 March 2022. 7226/22. *Consilium*. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7226-2022-INIT/en/pdf> (accessed 13.10.2022)

киваются производители в ЕС. Сюда же можно отнести диалоги по нормативно-правовому регулированию, которые ЕК планирует учредить с партнёрами, мыслящими схожим с ЕС образом (*like-minded partners*). Этот шаг, с одной стороны, следует расценивать как отказ ЕК от активного экспансионизма в области нормотворчества (нормативное влияние следует распространять не на всех, а на избранных акторов), а с другой — как попытку выстроить устойчивые надёжные цепочки поставок критически важных для ЕС материалов (первые два партнёрства по критически важным материалам были установлены в 2021 г. с Украиной и Канадой в соответствии с планом действий по обеспечению устойчивости и безопасности поставок⁶⁶). Стремление к надёжности поставок сырья объясняет и особый акцент на сотрудничестве с африканскими странами (традиционным источником природных ресурсов)⁶⁷.

Несмотря на поддержку Зелёного курса, ЕП, также стремящийся к лидерству в области продвижения зелёной повестки (Siddi 2020), не всегда удовлетворён предлагаемыми ЕК реформами. В особенности это относится к т. н. Климатическому закону ЕС, по которому ЕК получает возможность при помощи делегированных актов (т. е. без консультаций с ЕП и Советом) устанавливать каждые пять лет промежуточные цели по достижению Союзом углеродной нейтральности к 2050 г.⁶⁸. Именно поэтому ЕП в рамках координационного дискурса настаивает на своём полномочном участии в разработке климатических стандартов, в частности параметров СВМ⁶⁹, а также вместе с Советом требует от ЕК оценки эффективности данного механизма⁷⁰. Кроме того, ЕП и Совета едины и в необходимости для ЕК привлекать широкие слои населения к обсуждению и реализации достижения климатической нейтральности⁷¹.

⁶⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Critical Raw Materials Resilience: Charting a Path towards greater Security and Sustainability. *EUR-Lex*. Brussels, 3.9.2020. COM(2020) 474 final. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0474> (accessed 13.10.2022)

⁶⁷ Trade Policy Review. P. 18.

⁶⁸ REGULATION (EU) 2021/1119 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality ('European Climate Law'). [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1119&from=EN> (accessed 13.05.2022)

⁶⁹ European Parliament resolution of 10 March 2021 towards a WTO-compatible EU carbon border adjustment mechanism (2021/C 474/01). *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0071> (accessed 13.10.2022)

⁷⁰ Draft regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism. *EUR-Lex*. Brussels, 15 March 2022. 7226/22. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:ST_7226_2022_INIT (accessed 13.10.2022)

⁷¹ European Parliament resolution of 7 July 2021 on the trade-related aspects and implications of COVID-19. Op. Cit. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulation (EU) 2018/1999 (European Climate Law). *Consilium*. Brussels, 17 December 2020 14171/20. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14171-2020-INIT/en/pdf> (accessed 13.10.2022)

Однако реформы торговой политики не сводятся исключительно к зелёной повестке. Ещё до своего пересмотра в 2021 г. сфера внешнеторговых отношений Евросоюза обнаружила тенденции к превращению торговой политики в инструмент глобального соперничества как реакции на недобросовестные торговые практики третьих стран (Meunier, Nicolaidis 2019: 106–107). В 2019 г. был принят механизм проверки прямых иностранных инвестиций (ПИИ)⁷². Данный механизм, соответствующий скорее вестфальскому суверенитету, установил минимальные требования к обмену информацией между государствами-членами и ЕК о возможном негативном воздействии инвестиций на безопасность ЕС, а ЕК приобрела право официально высказывать мнение по данному вопросу и получать от государств-членов ежегодные отчёты по ПИИ. При этом принятие окончательного решения об уместности тех или иных ПИИ осталось за государствами-членами.

Более масштабно программа противодействия недобросовестным торговым практикам со стороны компаний не из ЕС, на этот раз в духе суверенитета взаимозависимости, была изложена ЕК в 2020 г. в Белой книге⁷³, идеи которой легли в основу предложенного в 2021 г. регламента об иностранных субсидиях, разрушающих внутренний рынок. В соответствии с этим документом, предполагается создать три механизма, расширяющие полномочия ЕК: по а) контролю за операциями слияния и поглощения с предполагаемым участием субсидий иностранных государств, б) мониторингу в рамках госзакупок в ЕС необоснованно выгодных тендеров, которые становятся возможными благодаря получению субсидий со стороны государств — не членов ЕС, и в) проверке любой информации о предполагаемом финансировании той или иной компании со стороны иностранных государств⁷⁴. При этом компания, получающая субсидии в иностранных государствах, возьмёт на себя дополнительные обязательства в качестве компенсации за негативное влияние на единый рынок, будь то запрет проведения определённых типов инвестиций, выплаты полученных субсидий с процентами или лицензирование⁷⁵. По сути, изменения сводятся к комбинации инструментов, уже имеющихся в распоряжении ЕК, однако теперь данные меры

⁷² Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (accessed 13.10.2022)

⁷³ White Paper on levelling the playing field as regards foreign subsidies. *European Commission*. Brussels, 17.6.2020. COM (2020) 253 final. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/competition/international/overview/foreign_subsidies_white_paper.pdf (accessed 13.10.2022)

⁷⁴ Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on foreign subsidies distorting the internal market. *European Commission*. Brussels, 5.5.2021. COM (2021) 223 final 2021/0114 (COD). [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/competition/international/overview/proposal_for_regulation.pdf (accessed 13.10.2022)

⁷⁵ Modrall J. 2021. The EU Anti-Subsidy Regulation – Implications for M&A. *Kluwer Competition Law Blog*. [Электронный ресурс]. URL: <http://competitionlawblog.kluwercompetitionlaw.com/2021/11/16/the-eu-anti-subsidy-regulation-implications-for-ma/> (accessed 13.10.2022)

предлагается распространить и на деятельность компаний не из ЕС (Kühling et al. 2021), что должно поспособствовать принятию данными компаниями европейских стандартов в вопросах государственных субсидий.

Как и в рассмотренных ранее случаях, в межинституциональной дискуссии о мерах по защите торговли ЕП стремится к увеличению своего удельного веса. Так, он требует своего участия в формировании законодательства в сфере защиты конкуренции, в частности путём регулярного получения информации от ЕК о средствах, выделяемых на защиту свободной торговли, а также призывает разработать правовой механизм, который позволит ЕП привлекать в обязательном порядке топ-менеджмент крупнейших IT-компаний к дебатам в сфере защиты конкуренции⁷⁶. Помимо этого, ЕП желает получать информацию об изменении статуса любого расследования в отношении фирмы, подозреваемой в получении иностранной помощи⁷⁷. Но такой подход не характерен для Совета: поскольку защита конкуренции уже давно является прерогативой ЕК, государства-члены в лице Совета не видят значительных угроз в новых полномочиях ЕК и не выдвигают какие-либо институциональные требования, кроме права получать информацию⁷⁸.

Таким образом, реформы торговой политики, проводимые в духе концепции стратегического суверенитета, предоставляют ЕК новые возможности для регулирования, в особенности в сфере продвижения зелёных стандартов вовне и контроля за недобросовестными торговыми практиками. Это логично: тарифные и нетарифные инструменты внешней торговли с начала европейской интеграции находятся в исключительном ведении ЕК. Вместе с тем ЕП как участник координационного дискурса о параметрах торговой политики пытается изменить институциональный расклад в свою пользу, артикулируя требования о своём участии в мониторинге торговых соглашений и условий их ратификации, в разработке климатических стандартов и норм, регулирующих защиту конкуренции, а также, вместе с Советом, о привлечении различных групп к обсуждению и реализации зелёной повестки, мотивируя это как уже имеющимися у него полномочиями, так и соображениями о прозрачности процессов принятия решений.

⁷⁶ European Parliament resolution of 9 June 2021 on competition policy — annual report 2020 (2020/2223(INI)). [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0275> (accessed 13.10.2022)

⁷⁷ Amendments adopted by the European Parliament on 4 May 2022 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on foreign subsidies distorting the internal market (COM (2021)0223 – C9-0167/2021 – 2021/0114(COD)). *European Parliament*. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/seance_pleniere/textes_adoptes/definitif/2022/05-04/0143/P9_TA\(2022\)0143_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/seance_pleniere/textes_adoptes/definitif/2022/05-04/0143/P9_TA(2022)0143_EN.pdf) (accessed 13.10.2022)

⁷⁸ Council Conclusions Public Investment through Public Procurement: Sustainable Recovery and Reboosting of a Resilient EU Economy. *EUR-Lex*. (2020/C 412 I/01). [Электронный ресурс]. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020XG1130\(03\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020XG1130(03)) (accessed 13.10.2022)

Внутренний суверенитет: общая политика безопасности и обороны

Данная политика преимущественно остаётся в сфере компетенций государств-членов. Поэтому даже в контексте дискуссии о стратегическом суверенитете Евросоюза, содержащей призывы к трансформации, многие из обсуждаемых шагов носят именно межправительственный характер, а параметры координационного дискурса задаются преимущественно государствами-членами. Это справедливо для комплекса мер, утверждённых в 2022 г. в рамках т. н. Стратегического компаса (СК): признавая НАТО основой своей безопасности, государства-члены Евросоюза обязуются выстраивать отношения с Североатлантическим альянсом на основе взаимности, инклюзивности и автономии ЕС при принятии решений. В духе последнего принципа было принято решение о создании к 2025 г. сил быстрого развёртывания (контингент 5 тыс. человек), которые будут представлять из себя модифицированные боевые группы и использоваться на первых порах для проведения спасательных и эвакуационных миссий⁷⁹. Кроме того, в 2021 г. был учреждён Европейский фонд мира — механизм вне бюджета ЕС, цель которого состоит в оказании помощи любым третьим странам путём поставок боевой техники и инфраструктуры⁸⁰. Именно в рамках этого фонда в 2022 г. Евросоюз поставляет Украине военную технику, а также (впервые в своей истории) летальное оружие⁸¹, что Верховный представитель Ж. Боррель охарактеризовал как «геополитическое пробуждение»⁸² ЕС. Наконец, в контексте построения открытой стратегической автономии и устойчивых цепочек поставок следует упомянуть и Координированное морское присутствие, инструмент, позволяющий Совету провозгласить любой участок моря зоной интересов ЕС и инициировать его усиленное патрулирование (режим координированного морского присутствия был провозглашён в 2021 и 2022 гг. в отношении Гвинейского залива и северо-западной части Индийского океана соответственно, т. е. регионов, играющих значительную роль в поставках углеводородов в ЕС)⁸³.

Решения в рамках общей политики безопасности и обороны всегда принимаются единогласно, и эта тенденция сохраняется в контексте дискуссии о стра-

⁷⁹ A Strategic Compass for Security and Defence. *Consilium*. Brussels, 21 March 2022. 7371/22. P. 14. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf> (accessed 13.10.2022)

⁸⁰ Council Decision (CFSP) 2021/509 of 22 March 2021 establishing a European Peace Facility, and repealing Decision (CFSP) 2015/528. *EUR-Lex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021D0509> (accessed 13.10.2022)

⁸¹ European Council meeting (24 and 25 March 2022) – Conclusions. *Consilium*. Brussels, 25 March 2022. EUCO 1/22. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-1-2022-INIT/en/pdf> (accessed 13.10.2022)

⁸² A Strategic Compass to Make Europe a Security Provider - Foreword by HR/VP Josep Borrell. 24.03.2022. *The European External Action Service*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_hr-vp-foreword-en.pdf (accessed 13.10.2022)

⁸³ Council conclusions on the implementation of the Coordinated Maritime Presences concept in the north-western Indian Ocean. *Consilium*. Brussels, 21 February 2022. 6255/22. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54437/st06255-en22.pdf> (accessed 13.10.2022)

тегическом суверенитете ЕС, хотя и с оговорками. Так, было решено расширить использование т. н. конструктивного воздержания (существующего с 1970-х гг. внешнеполитического механизма ЕС, согласно которому государство-член воздерживается от голосования, позволяя решению быть принятым) и положений статьи 44 ДЕС, по которым Совет может поручить выполнение задания в сфере ОВПБ группе стран-членов, которые хотят и могут это задание выполнить⁸⁴.

Однако акцент, который в рамках дискуссии о суверенитете делается на промышленной и экологической составляющей, создаёт и для ЕК возможности расширить свои полномочия. Речь идёт, с одной стороны, об уже рассмотренных нами инструментах промышленной политики: 1) выделении обороны в качестве одной из 14 экосистем и поддержки синергии между гражданскими, военными и космическими предприятиями⁸⁵, 2) намерении учредить Европейский альянс промышленных данных для обмена НИОКР в сфере обороны, 3) проектах общеевропейского интереса⁸⁶. С другой стороны, имеются в виду полномочия ЕК по стандартизации и предоставлению экспертного знания. Например, это: 1) разработка и принятие закона о киберстрессоустойчивости, который задаст стандарты для обеспечения безопасности системы цифровой обороны, 2) стимулирование совместных госзакупок в сфере обороны через реформу Европейского оборонного фонда и создание изъятий из НДС, 3) включение во все военные и гражданские миссии ЕС с 2025 г. советника по окружающей среде, 4) Обсерватория критических технологий, в рамках которой ЕК будет информировать государства-члены о новейших стратегических технологиях и способах их развития в ЕС⁸⁷. На повышении отчётности ЕК с сфере ОПБО отдельно настаивает и сам Совет, который требует от ЕК ежегодный отчёт об эффективности работы ЕОФ и предложения по её улучшению⁸⁸. Здесь становится заметным, что в координационном дискурсе по ОПБО расширение полномочий ЕК инициируется и контролируется государствами-членами в лице Совета.

⁸⁴ Article 44 of the Treaty on the European Union. Op. cit.

⁸⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Action Plan on synergies between civil, defence and space industries. *European Commission*. Brussels, 22.02.2021 COM(2021) 70 final. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/action_plan_on_synergies_en_1.pdf (accessed 13.10.2022)

⁸⁶ A Strategic Compass. Op. cit.

⁸⁷ Ibid.

Communication From the Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee and the Committee Of The Regions. Commission contribution to European defense. *European Commission*. Strasbourg, 15.2.2022. COM(2022) 60 final. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/com_2022_60_1_en_act_contribution_european_defence.pdf (accessed 13.10.2022)

⁸⁸ Position (EU) No 5/2021 of the Council at first Reading with a view to the adoption of a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the European Defence Fund and repealing Regulation (EU) 2018/1092. *EUR-Lex*. (2021/C 131/01). [Электронный ресурс]. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021AG0005\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021AG0005(01)) (accessed 13.10.2022)

Помимо ЕК, определённое увеличение значимости предполагается и для Верховного представителя, который, будучи одним из вице-председателей ЕК и представляя собой наднациональное должностное лицо, совмещает портфели руководителя Европейской службы внешних действий и Европейского оборонного агентства и председателя Совета Евросоюза в составе министров иностранных дел. Так, Верховный представитель с 2022 г. возглавляет ежегодные заседания министров обороны стран-членов по оборонным инициативам, пересматривает Анализ угроз для ЕС, на основе которого вносятся коррективы в СК, а также готовит отчёт об исполнении СК и предложения о его пересмотре⁸⁹. Но, как и в случае с ЕК, расширение полномочий Верховного представителя санкционируется Советом.

Таким образом, институциональные последствия реализации концепции «стратегического суверенитета» в ОПБО амбивалентны. С одной стороны, ключевые нововведения, а также процесс принятия решений (даже с учётом расширения использования механизмов статьи 44 ДЕС) остаются межправительственными. С другой стороны, комплексный экосистемный подход к обороне предполагает усиление полномочий наднациональных институтов ЕК и Верховного представителя. Через синергию гражданских и военных технологий ЕК сможет получить большее влияние на военное планирование, стандартизацию и, соответственно, на ОПБО, однако расширение полномочий ЕК всё равно остаётся в рамках, определяемых Советом. ЕК может предлагать инициативы, но их принятие и имплементация в любом случае зависят от воли государств-членов. В той степени, в которой введение ЕК единых промышленных стандартов в сфере обороны будет проводиться через обычную законодательную процедуру, вслед за усилением институциональной роли ЕК вырастет и значимость ЕП, который, впрочем, по-прежнему не включается в координационный дискурс и процесс принятия решений по ОПБО.

* * *

На основе анализа документов, относящихся к промышленной и торговой политике, а также общей политике безопасности и обороны, в статье было раскрыто влияние концепции «стратегического суверенитета» на институциональный баланс Евросоюза. Опора на дискурсивный неоинституционализм позволила продемонстрировать, что ЕК – главный бенефициар артикуляции концепции «стратегического суверенитета». Это результат особенностей институциональной структуры ЕС, в которой именно ЕК обладает правом законодательной инициативы и уполномочена контролировать реализацию принимаемых мер, в

⁸⁹ A Strategic Compass. Op. cit.

том числе в слабо коммунитаризированных политиках. Этот институт направляет дискуссию о суверенитете и практических шагах его построения в сторону промышленной и торговой политик и связанных с ними стандартов. Широкие полномочия и авторитет Комиссии в вопросах функционирования внутреннего рынка и внешней торговли позволяет ЕК зафиксировать для себя центральную роль и в контексте реализации новой концепции. Стремясь к стандартизации в новых областях, связанных с зелёным и цифровым переходами, ЕК, напротив, пользуется отсутствием подробного регулирования, что обеспечивает ей свободу действий.

Положение ЕП в контексте стратегического суверенитета остаётся неоднозначным. С одной стороны, прослеживается тенденция по исключению ЕП из процесса принятия решений в рамках новых форматов управления (например, Целевой группы по проблемам осуществления норм единого рынка и механизма реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения). Эта же исключённость ЕП сохраняется и в рамках межправительственной ОПБО, хотя изначально дискуссия о стратегическом суверенитете предполагала демократизацию управления в ЕС. С другой стороны, сам ЕП как участник координационного дискурса выступает с инициативами, которые предполагают изменение институциональных параметров реформ в пользу ЕП. Здесь и требования о повышении подотчётности ЕК и открытости процессов принятия решений, и предложения об участии ЕП или его представителей в разработке общесоюзных стандартов. Помимо этого, перенос ЕК всё большего числа новых вопросов (например, по стандартам кибербезопасности) на наднациональный уровень неизбежно усилит роль ЕП как полноправного участника обычной законодательной процедуры, в том числе в слабо коммунитаризированной ОПБО. Соответственно, в контексте стратегического суверенитета предполагаемое усиление институционального положения ЕП зависит и от его инициатив, и от того, насколько полно и успешно ЕК коммунитаризирует новые вопросы и сферы.

Наконец, усиливается и Совет как форум межправительственной координации (брюсселизации) благодаря созданию новых форм кризисного управления (например, инструмента управления внутренним рынком ЕС в условиях чрезвычайной ситуации) и реализации новых инструментов, относящихся к ОПБО (например, координированное морское присутствие и Европейский фонд мира). При этом рост институционального веса ЕК не противоречит усилению Совета: даже когда ЕК получает право заниматься сбором и анализом информации и выдвигать предложения в новых для себя областях, Совет сохраняет за собой единоличное право принимать стратегические решения по вопросам кризисного управления и внешней политики и задаёт основные параметры инициатив, которые должна разработать ЕК. Одновременно усиливается и институциональное положение Верховного представителя.

Полученные выводы представляются значимыми по двум причинам. Во-первых, исследование подтверждает, что рост полномочий органов ЕС про-

исходит не случайным образом, а оказывается продиктованным исторически сложившейся структурой, или предпосылочными идеациональными способностями акторов, т. е. сферами ответственности, уже закреплёнными за рассмотренными институтами, и особенностями принятия решений по тем или иным вопросам в ЕС. Во-вторых, исследование показывает, что институты ЕС, вопреки структуре и зависимости от выбранного пути, на фоне кризисных явлений оказываются способными инструментализировать идеи и концепции для расширения собственного влияния, в том числе в сферах, где данные институты ранее не обладали широкими полномочиями. В терминах дискурсивного неинституционализма это означает, что участники рассмотренных органов ЕС (должностные лица, политики), несмотря на существующие ограничения, налагаемые на них формальными полномочиями и устоявшимися практиками взаимодействия институтов, как агенты используют эксплицированные дискурсивные способности (особую логику аргументации), чтобы вызывать изменения институциональной структуры.

С учётом особенностей артикуляции концепции «стратегического суверенитета» в категориях безопасности (как ответа на вызовы и угрозы, с которыми сталкивается ЕС) данные выводы важны для дальнейшего теоретического осмысления кризисов как узловых точек развития политических систем (в т. ч. Евросоюза). Эти выводы верны для всех трёх видов суверенитета, которые были рассмотрены в данной работе (вестфальский, взаимозависимости, внутренних). Полученные выводы позволяют также предположить высокую вероятность развития институционального баланса ЕС в сторону усиления наднационального уровня регулирования, в том числе в таких межправительственных сферах, как налоговые вопросы и ОПБО.

Проделанное исследование имеет и свои ограничения: 1) выбранная нами теоретическая основа очерчивает лишь *возможные* институциональные изменения; 2) остаётся открытым вопрос о влиянии артикуляции концепции «стратегический суверенитет» на изменение удельного веса институтов в рамках *других направлений деятельности* ЕС, например, в политике соседства, энергетике или в политике развития; 3) для получения полноты картины внимание следует уделить *иным институтам и органам ЕС* и тому, как они могут изменить свой удельный вес в контексте реализации концепции «стратегический суверенитет»; 4) с учётом того, что институциональный баланс на разных уровнях решений реализуется по-разному, следует также прояснить роль концепции «стратегический суверенитет» в изменении институционального баланса ЕС на не рассмотренном в данной работе *суперсистемном уровне* (в частности, в контексте итогов и последствий работы Конференции о будущем Европы, касающихся изменений учредительных договоров и ЕС в целом). Все эти вопросы составляют предмет дальнейших исследований.

Об авторах:

Татьяна Алексеевна Романова — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. E-mail: t.romanova@spbu.ru

Сергей Владимирович Мазаник — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. E-mail: sergeymazanik97@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>

UDC: 327.7

Received: April 2, 2022

Accepted: September 24, 2022

Coordinative Discourse of Strategic Sovereignty Tilting the European Union's Institutional Balance

T.A.Romanova, S.V.Mazanik

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112)

Saint Petersburg State University

Abstract: The article studies how a discursive contestation among the EU institutions (the European Commission, the European Parliament, and the Council of the European Union) of the concept of "strategic sovereignty" ("strategic autonomy") affects the institutional balance among them. Institutional balance is a dynamic process in which institutions challenge each other's authority. This process is conceptualized in the article in terms of discursive neo-institutionalism as a coordinative discourse, which forms, challenges and justifies the idea of "strategic sovereignty". The article uses the cases of the EU industrial, trade policy, and the common security and defense policy to demonstrate the changing institutional balance.

The results of the study show that the main institutional beneficiary of "strategic sovereignty" is the European Commission. Most likely, there will be a strengthening of the Council, which reserves broad powers in crisis management and foreign policy. The position of the Parliament is ambivalent: although the growth of its institutional weight is possible, it will depend both on the Parliament's own initiatives and on whether the European Commission will succeed at communitarizing new issues and spheres. The findings demonstrate that under crisis, the institutional balance of the EU will continue to tilt in favor of the supranational level of regulation.

Keywords: European Union, strategic sovereignty, institutional balance, discursive neoinstitutionalism, open strategic autonomy

About the authors:

Tatiana A. Romanova — PhD (Political Science), associate professor, Department of European Studies, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya emb., 199034 Saint Petersburg. E-mail: t.romanova@spbu.ru

Sergei V. Mazanik — PhD student at the Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya emb., 199034 Saint Petersburg. E-mail: sergeymazanik97@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

References:

- Archibugi D., Mariella V. 2021. Is a European Recovery Possible without High-Tech Public Corporations? *Intereconomics*. 56(3). P. 160–166. DOI: 10.1007/s10272-021-0973-x
- Blauberger M., Weiss M. 2013. 'If You Can't Beat Me, Join Me!' How the Commission pushed and pulled member states into legislating defence procurement. *Journal of European Public Policy*. 20(8). P. 1120–1138. DOI: 10.1080/13501763.2013.781783
- Brustlein C. 2018. European Strategic Autonomy: Balancing Ambition and Responsibility. *Éditoriaux de l'Ifri*. No. 16.
- Chamon M. 2016. Institutional Balance and Community Method in the Implementation of EU Legislation Following the Lisbon Treaty. *Common Market Law Review*. 53(6). P. 1501–1543. DOI: 10.54648/COLA2016141
- Chou M. H., Riddervold M. 2015. The Unexpected Negotiator at the Table: How the European Commission's Expertise Informs Intergovernmental EU Policies. *Politics and Governance*. 3(1). P. 61–72. DOI: 10.17645/pag.v3i1.117
- Craig P.P. 2011. Institutions, Power and Institutional Balance. Craig P. and de Burca G. (eds) *The evolution of EU law*. Oxford University Press. P. 41–84. DOI: 10.2139/ssrn.3748492
- Dawson J., Hanley S. 2019. Foreground Liberalism, Background Nationalism: A Discursive-institutionalist Account of EU Leverage and 'Democratic Backsliding' in East Central Europe. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 57(4). P. 710–728. DOI: 10.1111/jcms.12845
- Dawson M., De Witte F. 2013. Constitutional Balance in the EU after the Euro-Crisis. *The Modern Law Review*. 76(5). P. 817–844. DOI: 10.1111/1468-2230.12037
- des Places S.B. 2020. Taking the Language of 'European Sovereignty' Seriously. *European Papers – A Journal on Law and Integration*. 2020(1). P. 287–297. DOI: 10.15166/2499-8249/392
- Dinan D., Nugent N., Paterson W.E. 2017. *The European Union in Crisis*. London: International Higher Education.
- Everson M., Vos E. 2014. European Agencies: What about the Institutional Balance? Łazowski A. and Blockmans S. (eds) *Research Handbook on EU Institutional Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 139–152. DOI: 10.2139/ssrn.2467469
- Fabbrini F. 2016. A Principle in Need of Renewal? The Euro-Crisis and the Principle of Institutional Balance. *Centro Studi sul Federalismo*. 52(1). P. 285–309.

- Fabbrini S. 2015. *Which European Union?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Fiott D. 2021. A Clash of Concepts? Making Sense of 'European Sovereignty' and 'Strategic Autonomy'. In: *Beyond Autonomy. Rethinking Europe as a Strategic Actor*. Brussels: Friedrich Naumann Foundation.
- Fitch-Roy O., Fairbrass J., Benson D. 2020. Ideas, Coalitions and Compromise: Reinterpreting EU-ETS Lobbying through Discursive Institutionalism. *Journal of European Public Policy*. 27(1). P. 82–101. DOI: 10.1080/13501763.2019.1567573
- García M.J. 2022. Sanctioning Capacity in Trade and Sustainability Chapters in EU Trade Agreements: The EU–Korea Case. *Politics and Governance*. 10(1). P. 58–67. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4782
- Gozi S. 2001. Does the EU Institutional Triangle Have a Future? *The International Spectator*. 36(1). P. 39–49. DOI: 10.1080/03932720108456901
- Jacqué J.P. 2004. The Principle of Institutional Balance. *Common Market L. Rev.* 41(2). P. 285–309.
- Krasner S.D. 1999. *Sovereignty: Organised Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400823260
- Kratochvíl P., Tichý L. 2013. EU and Russian Discourse on Energy Relations. *Energy policy*. No. 56. P. 391–406.
- Krotz U., Schild J. 2013. *Shaping Europe: France, Germany, and embedded bilateralism from the Elysée Treaty to twenty-first century politics*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199660087.001.0001
- Kühling J., Weck T., Reinhold P. 2022. Third-Country State Aid Regulation: The European Debate on Foreign Subsidies: Necessity and Possibilities of a Reform. In: Manjiao C. et al. (eds) *Asian Yearbook of International Economic Law*. Springer, Cham. P. 1–13. DOI: 10.1007/16517_2021_4
- March J.G., Olsen J.P. 1998. The Institutional Dynamics of International Political Orders. *International organization*. 52(4). P. 943–969. DOI: 10.1162/002081898550699
- Mauro F. 2021. Europe's Strategic Autonomy: That Obscure Object of Desire. *L'Institut de relations internationales et stratégiques*. Analysis No. 13. October 2021.
- Meunier S., Nicolaidis K. 2019. The Geopoliticization of European Trade and Investment Policy. *J. Common Mkt. Stud.* 57(1). P. 103–113. DOI: 10.1111/jcms.12932
- Miró J. 2021. In the Name of Competitiveness: a Discursive Institutional Analysis of the EU's Approach to Labour Market Structural Reform, 2007–2016. *Socio-Economic Review*. 19(2). P. 711–733. DOI: 10.1093/ser/mwz030
- Parga A.H. 2015. *The Euro Area Crisis in Constitutional Perspective*. Oxford: Oxford Studies in European Law. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198714958.001.0001
- Peterson J., Bomberg E. 1999. *Decision-making in the European Union*. Basingstoke: Bloomsbury Publishing. 336 p.
- Pomorska K., Wessel R. A. 2021. Qualified Majority Voting in CFSP: A Solution to the Wrong Problem? *European Foreign Affairs Review*. 26(3). P. 351–358. DOI: 10.1177/1465116507079547
- Reykers Y. 2017. EU Battlegroups: High Costs, no Benefits. *Contemporary Security Policy*. 38(3). P. 457–470. DOI: 10.1080/13523260.2017.1348568
- Riddervold M. 2016. (Not) in the Hands of the Member States: How the European Commission influences EU security and defence policies. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 54(2). P. 353–369. DOI: 10.1111/jcms.12288

Sbragia A.M. 2002. Conclusion to Special Issue on the Institutional Balance and the Future of EU Governance: The Treaty of Nice, Institutional Balance, and Uncertainty. *Governance*. 15(3). P. 393–412. DOI: 10.1111/0952-1895.00194

Scharpf F. 1998. Negative and Positive Integration in the Political Economy of European Welfare States. Rhodes M. and Mény Y. (eds) *The Future of European Welfare*. London: Palgrave Macmillan. P. 157–177. DOI: 10.1007/978-1-349-26543-5_8

Schmidt S.K. 2000. Only an Agenda Setter? The European Commission's Power Over the Council of Ministers. *European Union Politics*. 1(1). P. 37–61. DOI: 10.1177%2F1465116500001001003

Schmidt V.A. 2008. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *Annual Review of Political Science*. No. 11. P. 303–326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342

Schmidt V.A. 2010. Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change through Discursive Institutionalism as the Fourth 'New Institutionalism'. *European Political Science Review*. 2(1). P. 1–25. DOI: 10.1017/S175577390999021X

Schmidt V.A. 2015. Discursive Institutionalism: Understanding Policy in Context. Fischer F. et al. (eds) *Handbook of critical policy studies*: Cheltenham, Edward Elgar Publishing. P. 171–189. DOI: 10.4337/9781783472352.00016

Schmidt V.A. 2016. Reinterpreting the Rules 'by Stealth' in times of crisis: a discursive institutionalist analysis of the European Central Bank and the European Commission. *West European Politics*. 39(5). P. 1032–1052. DOI: 10.1080/01402382.2016.1186389

Siddi M. 2020. The European Green Deal: Assessing its Current State and Future Implementation. *FIIA Working Paper*. No. 114. P. 1–14.

Van den Abeele E. et al. 2021. Towards a New Paradigm in Open Strategic Autonomy? *ETUI Research Paper-Working Paper*. No. 2021(03).

Wæver O. 1996. European Security Identities. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 34(1). P. 103–132. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x

Warren T. 2020. Explaining the European Central Bank's Limited Reform Ambition: Ordoliberalism and Asymmetric Integration in the Eurozone. *Journal of European Integration*. 42(2). P. 263–279. DOI: 10.1080/07036337.2019.1658753

Webber D. 2019. Trends in European Political (dis) Integration. An Analysis of Postfunctionalist and Other Explanations. *Journal of European Public Policy*. 26(8). P. 1134–1152. DOI: 10.1080/13501763.2019.1576760

Wodak R., Meyer M. 2015. Critical Discourse Studies: History, Agenda, Theory and Methodology. Wodak R., Meyer M. (ed.) *Methods of Critical Discourse Studies*. London: Sage Publications Ltd. P. 1–23.

Arbatova N.K. et al. 2020. *Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei* [The EU's Strategic Autonomy and Prospects for Cooperation with Russia]. Moscow: OOO Izdatel'stvo Ves' Mir (In Russian).

Belov V.B. 2020. Novaya promyshlennaya strategiya Evrosoyuza [The EU's New Industrial Policy]. *Institut Evropy Rossiyskoy akademii nauk. Analiticheskaya zapiska*. No. 196. P. 1–8. DOI: 10.15211/analitics122020 (In Russian).

Belov V.B. 2019. Evropeyskiy akkumulatorniyy allians [The European Battery Alliance]. *Evropeyskiy soyuz: fakty i kommentarii*. No. 98. P. 21–25. DOI: 10.15211/eufacts420192125 (In Russian).

Derrida Zh., Habermas Yu. 2003. Nashe obnovlenie posle voyny: vtoroe rozhdenie Evropy [Our Renewal after the War: the Europe's Second Birth]. *Otechestvennyye zapiski*. No. 6. P. 98–105 (In Russian).

Kaveshnikov N.Yu. 2015. Metody upravleniya v Evropeyskom soyuze [Methods of Governance in the European Union]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 49–60.

Kutyrev G.I. 2012. Neoinstitutsionalizm ratsional'nogo vybora: preimushchestva i vnutrennie protivorechiya [Rational Choice Neo-institutionalism: Advantages and Internal Conflicts]. *Istoricheskie, filosofskie, politivheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11(1). P. 107–111 (In Russian).

Romanova T.A. 2021. Diskurs o suverenitete Evropeyskogo Soyuz: sodержanie i posledstviya [Discourse on the EU's sovereignty: its Content and Consequences]. *Sovremennaya Evropa*. No. 5. P. 32–44. DOI: 10.15211/soveurope520213244 (In Russian).

Shmerlina I.A. 2016. "Institutsional'naya logika": kriticheskiz analiz napravleniya ["Institutional Logic": a Critical Analysis of the Area]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 4. P. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арбатова Н.К. и др. 2020. *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Москва: ООО Издательство Весь Мир.

Белов В.Б. 2020. Новая промышленная стратегия Евросоюза. *Институт Европы Российской академии наук. Аналитическая записка*. № 196. С. 1–8. DOI: 10.15211/analytics122020

Белов В.Б. 2019. Европейский аккумуляторный альянс. *Европейский союз: факты и комментарии*. № 98. С. 21–25. DOI: 10.15211/eufacts420192125

Деррида Ж., Хабермас Ю. 2003. Наше обновление после войны: второе рождение Европы. *Отечественные записки*. № 6. С. 98–105.

Кавешников Н.Ю. 2015. Методы управления в Европейском союзе. *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 49–60.

Кутырев Г.И. 2012. Неоинституционализм рационального выбора: преимущества и внутренние противоречия. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 11(1). С. 107–111.

Романова Т.А. 2021. Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия. *Современная Европа*. № 5. С. 32–44. DOI: 10.15211/soveurope520213244

Шмерлина И.А. 2016. «Институциональная логика»: критический анализ направления. *Социологический журнал*. № 4. С. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812